

МОТИВ СМЕРТИ В СТИХОТВОРЕНИИ ИОСИФА БРОДСКОГО «ХОЛМЫ»

Диана ЧАХУР, студентка, филологический факультет,
Бельцкий государственный университета имени Алеку Руссо
Научный руководитель: Владимир БРАЖУК, доктор, конференциар

Rezumat: *Acest articol examinează punctele de vedere filosofice ale lui Joseph Brodsky asupra conceptului de moarte. Motivul morții este prezentat în mod voluminos de Brodsky și are o structură complexă. Pentru a-l dezvălui pe deplin, apelăm la poezia „Dealuri” care omogenizează și ilustrează cu adevărat motivul morții în acest poem. Studiind repetările asociate morții, am evidențiat faptul că spațiul lumii în care moartea este prezentă poate fi împărțită în trei categorii. Ca rezultatul analizei motivului morții din poezia „Dealuri”, am desfășurat semnificația de încetare a vieții pentru marele poet al secolului al XX-lea.*

Cuvinte-cheie: *motiv, repetare, moarte, ambivalență.*

Понятие «смерть» является ключевым в нашем исследовании. Абстрактность и незнание того, что есть смерть, побудили народы разных культур и этносов понимать и видеть её по-разному. В большинстве случаев на само представление смерти повлияло и продолжает оказывать воздействие в человеческом сознании приверженность к той или иной религии. Опираясь на различные словари, мы выявили общепринятое суждение, что «СМЕРТЬ – англ. *Death*; нем. *Tod*. Необратимое прекращение жизнедеятельности орга-

низма, неизбежная заключительная стадия его существования.» [1]. Далее было выделено две основные, противопоставленные друг другу, позиции: смерть как биологический процесс и не более того; смерть как некий этап. Первое положение можно подтвердить цитатой из атеистического словаря, где говорится о том, что в результате смерти заканчивается существование: *«Смерть – прекращение жизнедеятельности организма, в результате чего заканчивается его индивид. существование.»* [6, с. 412]. В том же словаре говорится о неразумности догматических положений, что является интересным, так как ни один религиозный словарь не обосновывал свою достоверность за счёт нелогичности других суждений. Такие словари наоборот утверждают, что смерть человека – это конец плотской жизни и переход к вечной или иной. Например, в различных словарях можно найти следующие истолкования: *«Смерть бывает двух видов: телесная и духовная.»* [4, с. 250], *«Смерть человека – конец плотской жизни, воскресение, переход к вечной, к духовной жизни»* [3], *«Смерть (санскр., пали марана) – посл. звено в цепи «колеса жизни», когда происходит оставление телесной формы (рупа) и др. оболочек. Для буддистов С. – явление повторяющееся»* [5, с. 229]. Суждения, соответствуя религиозным представлениям, варьируются, но в целом, суть заключается в том, что смерть сакральна и является неким этапом. Отдельно можно рассмотреть и мифологические представления в сознании разных культур и народов. Так, мифы, при всём разнообразии, могут быть разделены на общие законы и правила мифологического мышления: 1 – люди возрождались; но затем эта способность была утеряна; 2 – умер кто-либо один, и начали умирать все; 3 – смерть – это наказание за проступки или неповиновения.

Кроме того, важно обратиться к вопросу понимания и интерпретации смерти в сознании самого Иосифа Бродского. С. В. Соколов определяет поэта как идеалист аи мировоззренческого постмодерниста, созерцающего мир через призму своей духовности. Важно обратить внимание на восприятие памяти, которая, по Бродскому, является относительным бессмертием. В то же время память – главный свидетель приближения смерти: *«...чем больше помнишь, тем ты ближе к смерти...»* [8, с. 131]. Также учёный приводит в пример ещё одну цитату поэта: *«Я христианин, потому что я не варвар.»* [8, с. 133], что объясняет понимание смерти у Бродского, как склоняющееся более к христианским воззрениям. Н. Л. Карпичева в статье *«Витальное и мортальное в концептосфере поэзии И. Бродского»* утверждает, что концепт смерти Бродским представлен объёмно и имеет сложную структуру, которую можно разделить на три аспекта: в основе представления лежит взаимосвязь человека с пространственно-временным континуумом; далее смерть, как нечто, возможно, случающееся во время жизни, до её биологического наступления (как одиночество, как отсутствие всего, что было в жизни ранее, повлечённое, например, переездом в другую страну); и смерть как небытие, которое не противопоставлено бытию, в чём могут быть взаимосвязи. Для поэта жизнь – относительна, а смерть – постоянна.

Отходя от понятия смерти важно рассмотреть термин «мотив» отдельно. В статье Л. Н. Целковой *«Мотив»* говорится о том, что первоначально термин

не был литературоведческим, но перешёл в эту сферу из музыковедения, где обозначает самостоятельную единицу музыкальной формы, которая реализуется благодаря многообразным повторениям мотива. В литературоведении в начале термин определяли как заранее обусловленную часть сюжета, повествовательную единицу, которая генетически повторяется в тех или иных произведениях. Веселовский утверждал, что писатель «мыслит мотивами». Затем над данным термином продолжил размышлять В. Пропп, который расширил его определение, и мотив уже не был столь устойчив и мог изменяться. В настоящее время термин стал более многозначным и не является заранее заданной системой. Может быть использован в разных контекстах, выделяться во всём творчестве писателя или в одном произведении [9].

В творчестве Бродского нас интересует мотив смерти, который достаточно ярко представлен в стихотворении «Холмы». Стихотворение было написано в 1962 году. В нём автор затрагивает такие проблемы, как свобода мысли, непричастность к обществу и, конечно, противопоставление жизни и смерти, что является основной темой всего произведения.

Стихотворение можно разделить на две части, между которыми есть определённые различия. Первая состоит из тринадцати строк, где действие происходит в городе, рядом с которым находятся холмы, куда любили восходить двое приятелей и наблюдать за городскими жителями свысока: *«Вместе он любил / сидеть на склоне холма. / Оттуда видны им были / церковь, сады, тюрьма»* [2].

В основу сюжета заложена метафора, где город и его суетная жизнь – это люди, похожие друг на друга, живут день ото дня, как было предписано обществом, стандартами, государством. Городу противопоставлены холмы как состояние души иных людей, индивидуальностей, отличающихся широтой мысли, внутренней свободой и нежеланием подчиняться общим правилам. Таких личностей общество не принимает, чему сопутствует последующее убийство тех двоих, уже спускающихся с холма: *«Пред каждым возникли двое, / железом в руках шевеля. / Один топором был встречен / и кровь потекла по часам, / другой от разрыва сердца / умер мгновенно сам.»* [2]. Факт того, что убийство было предумышленным и его причиной стало неприятие тех двоих, отличавшихся от простых горожан, подтверждают слова самих жителей, которые, узнав о смерти, говорят, что больше не выйдут на холм.

Стоит отметить, что данный фрагмент повествуется в прошедшем времени, в отличие от второй части, где автор рассуждает о смерти и жизни без особой соотнесённости к какому-либо из времён. Также отличительная черта двух частей – присутствие сюжета в первом и его отсутствие во втором. По нашему мнению, данные различия в тексте демонстрируют определённый и явный подтекст. Они делают существование не только тех двоих, но и каждого человека на два этапа: жизнь и смерть. В соответствии с первым фрагментом, при жизни происходят какие-либо события и, безусловно, о них будут говорить как о прошедшем и былом времени. Но когда наступает смерть – нет ни событий, ни времени, ни пространств. По мнению Бродского, смерть умер-

ших переходит в руки к тем, кто ещё жив: *«Смерть – это всё, что с нами – / ибо они – не узрят.»* [2]. Так, первая часть повествует о жизни города и двух приятелей, возвышающихся над ним. Вторая часть раскрывает размышления И. Бродского о жизни и смерти. Интересно, что автор приводит ту же аналогию, сравнивая холмы и равнины: *«Присно, вчера и ныне / по склону движемся мы. / Смерть – это только равнины. / Жизнь – холмы, холмы.»* [2].

Исследуя все параллели, приведённые автором в сюжетной части и медитативной, приходим к выводу, что они абсолютно взаимосвязаны не только логически, где в первой произошло убийство, а во второй поэт философствует на тему смерти и жизни, но и в самом подтексте, где автор затрагивает нетипичную и глубоко-философскую тему – смерть при жизни. Данное предположение может быть обосновано следующим: Бродский, описывая смерть, сопоставляет её с пространством города: *«Смерть – это всё машины, / это тюрьма и сад. / Смерть – это всё мужчины, / галстуки их висят. / Смерть – это стёкла в бане, / в церкви, в домах – подряд!»,* а жизнь сравнивает с холмами, на них и взбирались двое непринятых обществом: *«Холмы – это наши страданья. / Холмы – это наша любовь. / Холмы – это крик, рыданье, / уходят, приходят вновь.»* [2].

Так, в соответствии с данными сопоставлениями, можно прийти к заключению о том, что для Бродского жить, как все люди, обременённые рамками своего города, государства, а также мыслить обыденно, не мечтая о свободе и чём-то более прекрасном, нежели просто о бытовых, насущных решениях – подобно смерти на земле. И тот, кто «восходит на холм», несмотря на все преграды, боль и слёзы – живёт по-настоящему.

Слово «смерть» в стихотворении повторяется восемнадцать раз, каждому из которых дано отдельное значение. Бродский не олицетворяет смерть, но, напротив, в одном из стихов, обратившись к мифологизированному образу смерти – скелету с косою, отрицает его: *«Смерть – не скелет кошмарный / с длинной косою в руке.»* [2]. Напротив, автор придаёт мотиву более реалистический контекст: *«Смерть – это тот кустарник, / в котором стоим мы все.»* [2].

Данной метафорой он утверждает, что смерть всем свойственна и все, будучи ещё живыми, уже «стоят в этом кустарнике». Ещё один пример того, как на примере антитезы Бродский опровергает ассоциативные суждения о смерти в людском мировоззрении: *«Это не плач похоронный, / а также не чёрный бант. / Смерть – это крик вороний, / чёрный – на красный банк.»* [2]. По сути, идея автора заключается в том, что смерть не связана с чем-то похоронным, как и с представлениями о ней, но смерть абсолютно во всём, что соприкоснулось с ней. После убийства смертью наполнился весь город: *«это тюрьма и сад <...> Смерть – это стёкла в бане, в церкви, в домах – подряд!»,* каждый его предмет *«в стебле, обвисшем жердь <...> Смерть – это все машины»,* люди *«Смерть – это всё мужчины»,* их одежда *«Смертью полн воротник.»*, их действия: *«Смерть в погоне напрасной <...> Смерть в голосах и взорах.»* [2].

В заключении своих размышлений о том, что есть смерть для приятелей, города и в целом, Бродский пишет: *«Это не мы их не видим – / нас не видят*

они.», а также немного ранее можно прочесть такие строки: «Смерть – это всё, что с нами – / ибо они не узрят» [2].

Следовательно, поэт утверждает, что понятия смерти для умерших уже не существует, а значит смерть – не про них. Именно по этой причине смерть для автора связана со всем, что движется и дышит, всем, что живо. Бродский переворачивает обыденное понимание смерти, которое в его смысле затрагивает не столько тех, кто умер, сколько тех, кто ещё жив. В данном стихотворении утверждается положение поэта о том, что жизнь не противопоставлена смерти, как и бытие небытию.

И. Романова в статье «Поэтика повторов в поэзии Бродского» утверждает, что повторы, в особенности анафорические, являются ведущей особенностью в ранней лирике поэта. Можно сказать, что стихотворение «Холмы» – прекрасный пример данному утверждению. Фактически, в последней части каждый второй стих начинается со слов: «Смерть – ...» (восемнадцать раз), а после «Холмы – ...» (двенадцать раз). Кроме того, по утверждению Романовой, повторы представлялись Бродским, как некий ритмично раскачивающийся маятник. Такой метод «выражает идею соединения противоположного и идею повторяемости» [7, с. 106]. Так, можно сказать, что мотив смерти воссоединяется с мотивом жизни, что подтверждается определением смерти как нечто присущего всему живому: «Смерть – это все мужчины <...> Смерть – это всё, что с нами <...> Смерть – это наши силы, / это на труд и пот. / Смерть – это наши жилы, / Наша душа и плоть.» [2].

Ранее нами было сказано, что термин «мотив» первоначально принадлежал к музыкальной сфере, где таким образом обозначалась музыкальная единица, реализующаяся за счёт повторений. Затем термин перешёл в литературоведение, где имеет то же определение. Очень похоже, что Бродский объединил две сферы (музыкальную и литературоведческую), где строй стихотворения и позиции мотивов смерти становятся похожими на чередование нот, и каждая строфа становится будто отдельным куплетом, создающим гармоничную мелодию. К примеру, одна из строф во второй части напоминает чередование двух условных нот: (до – ре – до – ре), так чередуется отрицание – утверждение – отрицание – утверждение: «Смерть – не скелет кошмарный / с длинной косой в росе. / Смерть – это тот кустарник, / в котором стоим мы все. / Это не плач похоронный, / а также не чёрный бант. / Смерть – это крик вороний, / чёрный – на красный банк.» [2].

Использование мотива добавляет мелодичности стихотворению, как и следующей строфе, где присутствуют анафорические повторения сочетаний слов «смерть – это», что очень напоминает напряжённую повторяемость музыкальных нот: «Смерть – это все машины, / это тюрьма и сад. / Смерть – это все мужчины, / галстуки их висят. / Смерть – это стёкла в бане, / В церкви, в домах – подряд! / Смерть – это всё, что с нами – / Ибо они – не узрят.» [2].

Кроме музыкальности строф и повторов, особенно важно указать на двойственность и амбивалентность, которую Бродский, как постмодернист,

заложил в своё стихотворение. Двойственность чего-либо, как сочетание противоположностей, можно наблюдать на протяжении всего стихотворения: две сюжетные части; сопоставление города и холмов; жизни и смерти; общества и индивидуума; в один день убийства и свадьбы. Примечательно, что свадьба также было две, хотя, кажется, что данная деталь совсем незначительна: «*Был вечер нескольких свадеб / (кажется было две)*» [2]. Убили так же двоих, и было двое убийц. Очень явно выражен данный мотив двойственности и амбивалентности. У Бродского одно взаимообусловлено другим, так же, как и одно должно столкнуться с другим, высокое с низким, весёлое с печальным, свободное с подчинённым, и это столкновение неизбежно, как и неизбежно столкновение жизни со смертью.

Мотив смерти является основным и представлен широко. В стихотворении смерть объёмлет и пронзает всё кругом, весь мир, действительность, живые и неживые предметы. Это и смерть в пространстве, и смерть в деятельности, и смерть в живом. В итоге, исследуя повторы, связанные со смертью, и анализируя их, мы обнаружили, что пространство мира, где присутствует смерть, можно разделить на три категории:

1. Смерть в пространстве. Одним из мотивов стала смерть, помещённая в пространства города: «Смертью полн воротник <...> Смерть – это все машины <...> Смерть – это стёкла в бане, / В церкви, в домах – подряд! Смерть – это только равнины».
2. Смерть в деятельности – это смерть, сопровождающая действия и сказанное людьми: «Смерть уже в каждом слове <...> Смерть в погоне напрасной <...> Смерть в голосах и взорах <...> Смерть в залитанной крови».
3. Смерть в живом. Подразумевается смерть в самих людях и животных: «Смерть – это все мужчины <...> Смерть – это всё, что с нами <...> в каждой корове смерть».

Подводя итоги всего вышесказанного, отметим, что для Бродского смерть может быть жизнью, а жизнь – смертью.

Библиография:

1. АНТИНАЗИ, А., *Смерть*. // Энциклопедия социологии. / Составитель А. Антинази, 2009. – URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/fc/slovar-209-1.htm#zag-3720> (дата обращения: 05.05.2020).
2. БРОДСКИЙ, И., *Холмы* (1962). – URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7420> (дата обращения: 10.05.2020).
3. ДАЛЬ, В., *Смерть*. / Толковый словарь живаго великорусского языка. – URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=38153> (дата обращения: 6.05.2020).
4. ИСАЕВА, Е. Л., *Смерть*. // Православная энциклопедия. / Составитель Е. Л. Исаева – М.: РИПОЛ классик, 2010. – С. 250.
5. КАНАЕВА, Н. А. *Смерть* // Буддизм. Словарь. / Под общ. ред. Н. Л. Жуковской и др. – М.: «Республика», 1992. – С. 229.
6. НОВИКОВ, М. П., *Смерть*. // Атеистический словарь. / Под общ. ред. М. П. Новикова – М.: Политиздат, 1985. – С. 412
7. РОМАНОВА, И., *Поэтика в поэзии Иосифа Бродского*. / Вестник Московского университета. сер.9. / Филология. 2010. №3. – С.105-113.

8. СОКОЛОВ, С., *Философские взгляды И. Бродского.* // Ценности и смыслы. – 2010. – №3 (6). – С. 125-139. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-vzglyady-i-brodskogo> (дата обращения: 11.05.2020).
9. ЦЕЛКОВА, Л. Н., *Мотив.* // Литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. / Под ред. Л. В. Чернец. – М.: Академия, 1999. – URL: http://taviak.ru/distance/wp-content/uploads/2014/obshcheobrazovatelnye_distsipliny/Literatura/Chernec.pdf (дата обращения: 6.05.2020).